

Агата Кристи

АГАТА КРИСТИ

Пассажир из Франкфурта

ЭКSMO

Агата Кристи Пассажир из Франкфурта

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121988
Агата Кристи «Пассажир из Франкфурта», серия «Вся Кристи»: ЭКСМО; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34568-7

Аннотация

В романе «Пассажир из Франкфурта» сэр Стэффорд, мастер секретных и деликатных миссий, согласившись помочь незнакомке избежать смертельной опасности, оказывается втянутым в невероятный заговор экстремистской молодежи.

Содержание

Введение	5
Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Агата Кристи

Пассажир из Франкфурта

*Магия вождя, таящая в себе огромную созидательную силу,
способна обернуться величайшим злом...*

Ян Сметс

Введение

Говорит автор:

«Вот вопрос, который читатель обычно задает автору:

– Откуда вы черпаете свои сюжеты?

Великое искушение ответить: «Я всегда хожу за ними в „Хэрродс“ или „Как правило, я покупаю их в армейских магазинах“ – или бросить небрежно: „Спросите в «Марксе и Спенсере»».

Похоже, люди твердо уверены в существовании волшебного источника сюжетов, которые авторы наловчились оттуда выуживать.

Вряд ли можно отослать любопытствующих к елизаветинским временам, к словам Шекспира:

Скажи мне, где фантазия рождается:
В сердцах ли наших иль в умах?
Где тот источник, что ее питает?
Скажи, скажи.

Поэтому вы просто отвечаете: «Из своей собственной головы».

Такой ответ, естественно, никого не устраивает. Если собеседник вам по душе, вы смягчаетесь и объясняете чуть подробнее:

– Если некая идея кажется вам привлекательной и вы чувствуете, что ее можно превратить во что-нибудь стоящее, тогда вы начинаете ее прокручивать в уме, прикидываете так и эдак, вгрызаетесь в нее, обыгрываете и постепенно придаете ей форму. После этого, разумеется, нужно изложить ее на бумаге, и это далеко не развлечение, а тяжелый труд. С другой стороны, вы можете положить ваш сюжет в долгий ящик и воспользоваться им, скажем, через год или два.

Затем обычно следует такой вопрос (или, скорее, утверждение):

– Наверное, вы берете ваших персонажей из жизни?

Вы возмущенно отвергаете это кошмарное предположение:

– Нет! Я их придумываю. Они *мои собственные*. Они должны быть моими, чтобы делать то, чего я от них требую, и быть такими, какими я хочу их видеть; для меня они живые, иногда они выдают свои собственные мысли, но лишь потому, что это я сделала их *настоящими*.

Итак, автор придумал фабулу и персонажей, и тут настает очередь следующей части – места действия. Сюжеты и персонажи рождаются из внутренних источников, но фон, на котором происходит действие, должен существовать на самом деле и ждать своего часа. Его вы не придумываете, он реален.

Допустим, вы когда-то путешествовали на пароходе по Нилу и запомнили эту поездку: вот как раз та самая ситуация, которую вы хотите использовать в вашем рассказе. Или же вы как-то пообедали в кафе в Челси и стали свидетелем потасовки: некая девица выдернула клок волос у другой девицы – великолепное начало для вашей следующей книги. Вы путешествуете в «Восточном экспрессе»: замечательно было бы сделать его сценой для того сюжета, который вы сейчас обдумываете! Вы приходите к подруге на чашку чая, и тут ее брат захлопывает книгу, которую только что читал, и отбрасывает ее со словами: «Неплохо, но, черт возьми, почему не Эванс?»

И тут вы немедленно решаете написать книгу с заглавием «Почему не Эванс?».

Вы еще не знаете, кто же это – Эванс. Ничего страшного, Эванс появится в свое время: главное, что название готово.

Так что, в известном смысле, вы не придумываете места действия своих книг. Они вне вас, вокруг вас, нужно лишь протянуть руку и выбрать: поезд, больница, лондонский отель, карибский пляж, деревня, вечеринка с коктейлями, школа для девочек.

Необходимо лишь одно: они должны существовать на самом деле – настоящие люди, подлинные места. Где вы возьмете всю информацию, если не видели все своими глазами и не слышали своими ушами? Ответ пугающе прост.

Это то, что сообщает вам ежедневная пресса, то, что вы видите в утренней газете в разделе новостей. Взгляните на первую полосу. Что сегодня происходит в мире? Что говорят, что думают, что делают люди? Англия, 1970 год.

Целый месяц просматривайте первую полосу, записывайте, обдумывайте и систематизируйте.

Каждый день происходит убийство.

Задушена девушка.

Ограбили пожилую женщину.

Молодые парни или подростки: хулиганы или жертвы.

Разбитые стекла в домах, в телефонных будках.

Контрабанда наркотиков.

Грабеж и насилие.

Пропавшие дети, детские трупы, найденные недалеко от дома.

Неужели это Англия?

Неужели Англия на самом деле такова? Вроде бы нет, пока еще нет, но может стать таковой.

Пробуждается страх, страх перед тем, что может быть. Он возникает не столько из-за того, что случается на самом деле, но из-за возможных причин этих случаев, иногда известных, иногда нет, но которые *чувствуешь*. И не только в собственной стране. На других полосах газет печатаются маленькие заметки, вести из Европы, из Азии, из Америки – новости со всего мира.

Угоны самолетов.

Похищение людей.

Насилие.

Беспорядки.

Ненависть.

Анархия.

Это случается все чаще и чаще и, по-видимому, ведет к культуре разрушения, к наслаждению жестокостью.

Что же это значит? Эхом из прошлого, из Елизаветинской эпохи доносится фраза о Жизни:

... рассказ сей – лишь фантазия глупца,
бессмысленная, буйная и злая.

И все-таки знаешь, по собственному опыту знаешь, как много в нашем мире добра, благочестия, добросердечия, милосердия, дружелюбия и взаимной поддержки.

Тогда откуда эта фантастическая атмосфера новостей дня, происшествий, реальных фактов?

Чтобы написать роман в этом, 1970 году от Рождества Христова, необходимо, чтобы он не противоречил истинному положению вещей в мире. Если сама жизнь фантастична,

то таким должен быть и ваш рассказ, он должен стать буффонадой, включать причудливые факты повседневной реальности.

Можно ли вообразить необычайные события? Тайную борьбу за власть? Может ли маниакальная жажда разрушения создать новый мир? Можно ли шагнуть дальше и предложить избавление от грозящей опасности фантастическими и невозможными на первый взгляд средствами?

Наука доказывает, что ничего невозможного нет.

По сути своей этот рассказ – фантазия, он не претендует ни на что большее. Однако большинство описанных в нем событий происходит или, вероятно, еще будет происходить в сегодняшнем мире.

Эта история – лишь выдумка, но ничего невероятного в ней нет».

Книга первая

Прерванное путешествие

Глава 1

Пассажир из Франкфурта

«Просим пристегнуть ремни». Пассажиры реагировали неохотно: до Женевы ведь еще далеко. Дремлющие ворчали себе под нос и зевали, стюардесса деликатно, но настойчиво будила спящих.

«Пристегните, пожалуйста, ремни», – прозвучал по радио бесстрастный голос. Затем последовало сообщение на немецком, французском и английском языках о том, что самолету предстоит пройти через небольшую полосу сильного штормового ветра. Сэр Стэффорд Най сладко зевнул и выпрямился в кресле. Ему приснился восхитительный сон о том, как он ловит рыбу в английской реке.

Это был сорокапятилетний мужчина среднего роста, с загорелым, тщательно выбритым лицом. В одежде он предпочитал эксцентричность. Человек из прекрасной семьи, он с абсолютной непринужденностью и удовольствием позволял себе одеваться не так, как все, и, когда его коллеги, придерживавшиеся традиционного стиля в одежде, порой морщились, глядя на него, он лишь злорадно улыбался про себя. Было в нем что-то от щеголя XVIII века. Ему нравилось, когда на него обращали внимание.

В поездках он неизменно облачался в невообразимый, прямо-таки разбойничий плащ, который приобрел когда-то на Корсике. Плащ был темный, иссиня-фиолетового цвета, с ярко-красной подкладкой и капюшоном, который при необходимости можно было накинуть на голову.

Сэр Стэффорд Най не оправдал надежд, некогда возлагавшихся на него в дипломатических кругах. Отличавшийся в юности весьма недюжинными и неординарными способностями, он почему-то не смог их реализовать. Его едкий юмор неизменно вредил ему в самые ответственные моменты: когда доходило до главного, ему становилось скучно, и он принимался изошряться в своих излюбленных островах. Не достигнув высокого положения в обществе, он тем не менее был весьма заметной фигурой. Считалось, что Стэффорд Най – человек хотя и несомненно незаурядный, но ненадежный и, вероятно, надежным никогда не станет. В нынешние времена политической неразберихи и запутанных международных отношений надежность, особенно если заполучить должность посла, предпочтительнее блестящего ума. Сэру Стэффорду Наю было отведено место за кулисами. Правда, иногда ему поручали дела, требующие искусства интриги, однако, по сути, они не были особенно важными. Журналисты называли его темной лошадкой дипломатии.

Никто не знал, как сэр Стэффорд Най оценивает собственное положение. Возможно, он и сам этого не знал. В определенной мере он был тщеславен, но в то же время получал огромное удовольствие, потакая своей склонности к проказам.

Сейчас он возвращался из Малайзии, где участвовал в некоем расследовании, которое нашел исключительно неинтересным. Видимо, его коллеги уже заранее решили, к каким выводам они придут, поэтому сидели и слушали, но никто уже не способен был что-либо изменить. Сэр Стэффорд, правда, вставлял им палки в колеса, но скорее ради собственного удовольствия, нежели в силу каких-то определенных убеждений. Во всяком случае, думал он, это несколько оживило обстановку, хорошо бы почаще проводить такие встречи. Его коллеги по комиссии были разумны и надежны, но необыкновенно скучны. Даже знамени-

тая Натаниель Эдж, единственная женщина в комиссии, известная как дама с причудами, к очевидным фактам отнеслась без легкомыслия: она внимательно слушала своих коллег и поступала вполне разумно.

Он уже встречался с ней, когда нужно было решать некую проблему в одной из балканских столиц. Именно там сэр Стэффорд Най не удержался и высказал несколько интересных предложений. Скандальный журнал «Новости из первых рук» намекал, что пребывание сэра Стэффорда Ная в той балканской столице тесно связано с местными проблемами и что он выполняет там секретную и чрезвычайно деликатную миссию. Экземпляр этого журнала с отчеркнутым чернилами абзацем прислал ему один добрый приятель. Статья вовсе не рассердила сэра Стэффорда, напротив, он очень даже повеселился, думая о том, насколько смешотворно далеки от истины оказались журналисты. На самом деле его присутствие в Софии объяснялось всего лишь невинным интересом к редчайшим образцам полевых цветов и настойчивыми приглашениями его старой приятельницы леди Люси Клегхорн, неутомимой в своих поисках этих скромных цветочных раритетов и способной ради этого карабкаться на гору или самозабвенно сигануть в болото при виде растеньица, длинное латинское название которого обратно пропорционально величине самого цветка.

Небольшой отряд энтузиастов уже дней десять вел на склонах гор эти ботанические изыскания, когда сэр Стэффорд начал жалеть, что содержание той статьи не соответствовало истине. Ему уже немного надоели полевые цветы, и при всей нежности, испытываемой им по отношению к дорогой Люси, ее способность в шестьдесят с лишним лет с невероятной ловкостью лазать по горам, легко его обгоняя, иногда раздражала сэра Стэффорда. У него перед глазами вечно маячил ее зад в ярко-синих брюках, а Люси, в других местах довольно тощая, была излишне широка в бедрах, чтобы носить синие вельветовые штаны. Нет чтобы случиться какой-нибудь небольшой международной заварушке, тогда бы самое время запустить туда руки и позабавиться...

В самолете вновь зазвучал металлический голос радио. Он сообщил пассажирам, что в связи с густым туманом в Женеве самолет совершит посадку во Франкфурте, а затем отправится в Лондон. Пассажиры, следующие в Женеву, будут доставлены туда первым же самолетом из Франкфурта. Если в Лондоне туман, подумал Най, то самолет могут посадить в Прествике. Он надеялся, что этого не произойдет: ему уже не раз довелось побывать в Прествике и больше он туда не стремился. Жизнь, подумал он, и воздушные перелеты слишком утомительны. Разве что... кто его знает... разве что... *что?*

В зале для транзитных пассажиров франкфуртского аэропорта было тепло. Сэр Стэффорд Най откинул плащ назад, и его ярко-красная подкладка изящными складками эффектно легла вокруг его плеч. Попивая пиво из стакана, он вполуха слушал объявления по радио.

«Рейс четыре тысячи триста восемьдесят семь на Москву. Рейс две тысячи триста восемьдесят один на Египет и Калькутту».

Путешествия по всему земному шару – как это, должно быть, романтично! Но сама атмосфера зала ожидания любого аэропорта не располагает к романтической идиллии: слишком много народу, слишком много киосков, набитых всевозможными товарами, слишком много одинаковых кресел, слишком много пластика и слишком много плачущих детей. Кто же это сказал, попытался он вспомнить: «Жаль, что я не люблю человечество, жаль, что я не люблю его глупое лицо»? Скорее всего, Честертон? И это несомненно, соберите-ка вместе достаточно много людей, и они будут так угнетающе схожи меж собой, что этого почти невозможно вынести. Вот бы увидеть интересное лицо, подумал сэр Стэффорд. Он окинул пренебрежительным взглядом двух молодых женщин с великолепным макияжем, одетых в национальную униформу своей страны, судя по всему Англии: мини-юбки становятся все короче и короче; а потом посмотрел еще на одну молодую женщину, с еще более вырази-

тельным макияжем и в общем-то довольно привлекательную. То, что на ней было надето, как он полагал, называлось юбкой-брюками: она прошла по дороге моды несколько дальше.

Его не очень-то интересовали симпатичные девушки, похожие на всех остальных симпатичных девушек, он предпочел бы какую-нибудь отличающуюся от всех других. И тут рядом с ним на диван из искусственной кожи, покрытый пластиковой пленкой, присела некая особа. Лицо ее тотчас же привлекло его внимание, и не потому, что оно было каким-то необыкновенным, а потому, что показалось ему знакомым. Он уже видел эту женщину прежде. Он не мог вспомнить, где и когда, но ее лицо определенно было ему знакомо. Ей, вероятно, лет двадцать пять – двадцать шесть, подумал он. Тонкий, орлиный нос, черные густые волосы до плеч. В руках у нее был журнал, но она не раскрыла его, а с нескрываемым любопытством уставилась на сэра Стэффорда. Внезапно она заговорила. Голос ее оказался низким, как у мужчины, с едва заметным иностранным акцентом:

– Могу я с вами поговорить?

Он изучал ее какое-то мгновение, прежде чем ответить. «Нет, – решил он, – это не то, что можно было бы предположить, она не хочет меня подцепить. Это что-то другое».

– Собственно, почему бы и нет? Делать все равно нечего.

– Туман, – заметила женщина. – Туман в Женеве, может быть, туман в Лондоне. Везде туман. Я не знаю, что мне делать.

– О, вы напрасно беспокоитесь, – успокоил он ее, – куда-нибудь они вас доставят. Они, знаете ли, довольно хорошо работают. Куда вы направляетесь?

– Я летела в Женеву.

– Что ж, по-видимому, в конце концов вы туда попадете.

– Я должна попасть туда сейчас. Если я улечу в Женеву, все будет в порядке. Меня там встретят, и я буду в безопасности.

– В безопасности? – Он слегка улыбнулся.

– «Безопасность» – это слово из нескольких букв, но это не то слово, которое в наши дни кого-то волнует. И все же оно может значить очень много, например для меня. Видите ли, если я не попаду в Женеву, если мне придется остаться здесь или лететь тем же самолетом в Лондон, не приняв никаких мер, меня убьют. – Она внимательно посмотрела ему в глаза. – По-моему, вы мне не верите.

– Боюсь, что нет.

– Это правда. Людей убивают. Убивают каждый день.

– Кто хочет вас убить?

– Разве это имеет значение?

– Для меня – нет.

– Вы можете поверить мне, если пожелаете. Я говорю правду. Мне нужна помощь. Помогите мне невредимой добраться до Лондона.

– И почему же вы обратились именно ко мне?

– Потому что мне кажется, вы кое-что знаете о смерти. Вы с ней знакомы и, возможно, даже видели ее.

Он внимательно взглянул на нее и снова отвел глаза.

– Есть еще причины?

– Есть. Вот это. – Она протянула узкую смуглую руку и коснулась складок его просторного плаща. – Это, – повторила она.

Впервые за время разговора он почувствовал интерес:

– И что вы хотите этим сказать?

– Он необычный, особенный. Это не то, что носят все.

– Верно подмечено. Ну а если это одна из моих причуд?

– Это причуда, которая может мне пригодиться.

– Что вы имеете в виду?

– У меня к вам просьба. Возможно, вы откажетесь, но, может быть, и нет, потому что мне кажется, что вы – мужчина, который готов рискнуть, так же, как я – женщина, которая рискует.

– Слушаю вас, – согласился он, чуть улыбнувшись.

– Я хочу попросить у вас плащ, ваш паспорт и ваш авиабилет. Скоро, минут, скажем, через двадцать, объявят посадку на Лондон. С вашим паспортом и в вашем плаще я полечу в Лондон и избегну смерти.

– Вы хотите сказать, что будете выдавать себя за меня? Милая девушка...

Она открыла сумочку и достала оттуда маленькое квадратное зеркальце.

– Взгляните сюда. Посмотрите на меня, а потом на себя.

И тут он наконец понял, кого она ему напоминала: его сестру Памелу, умершую лет двадцать назад. Они с ней всегда были очень похожи. Лицо Памелы было мужественным, а его – немного женственным, особенно в детстве. Носы у обоих были с горбинкой, одинаковый изгиб бровей, одна и та же чуть кривоватая улыбка. Памела была пяти футов ростом, а он – пяти футов десяти дюймов. Он взглянул на женщину, возвращая ей зеркальце.

– Вы хотите сказать, что мы с вами похожи? Но, милая девушка, это сходство не обманет тех, кто знает меня или вас.

– Конечно, не обманет. Неужели вы не понимаете? Этого и не требуется! Я путешествую в брюках, на вас до сих пор был капюшон. Все, что мне нужно сделать, – это обрезать волосы, завернуть в газету и выбросить в урну. Потом я надену ваш бурнус, у меня будут ваш посадочный талон, билет и паспорт. Если в самолете нет никого из ваших знакомых, а я полагаю, что нет, иначе они с вами уже заговорили бы, то я спокойно сойду за вас. Когда потребуется, я предъявлю ваш паспорт, капюшон снимать не буду, чтобы были видны только нос, глаза и рот. Когда самолет совершит посадку, я смогу спокойно уйти, потому что никто не будет знать, что я на нем прилетела. Я тихо уйду и растворюсь в лондонской толпе.

– А мне что прикажете делать? – иронично осведомился сэр Стэффорд.

– У меня есть предложение, если у вас хватит смелости его принять.

– Давайте. Обожаю выслушивать предложения!

– Сейчас вы встанете и пойдете к киоску – купить журнал, или газету, или какой-нибудь сувенир. Плащ вы оставите здесь. Вернувшись с покупкой, вы сядете где-нибудь в другом месте: скажем, в углу вон того дивана напротив. Там будет вот этот же самый стакан, а в нем кое-что, от чего вы заснете.

– И что дальше?

– Скажем, вас обворуют. Кто-то добавит вам в пиво снотворное и похитит у вас бумажник – словом, что-то в этом роде. Вы заявите о случившемся: мол, у вас украли паспорт и вещи. Вашу личность очень быстро установят.

– Вы знаете, кто я? Я хочу сказать, вам известно, как меня зовут?

– Пока нет, я ведь еще не видела вашего паспорта. Я понятия не имею, кто вы такой.

– И все же вы заявляете, что мою личность легко установить?

– Я хорошо разбираюсь в людях и вижу, кто важная персона, а кто нет. Вы – важная персона.

– А почему я должен все это делать?

– Хотя бы для того, чтобы спасти другому жизнь.

– Не слишком ли причудлива ваша история?

– О да, в нее трудно поверить. Вы верите?

Он задумчиво посмотрел на нее:

– Знаете, кого вы мне напоминаете? Прекрасную шпионку из кинофильмов.

– Да, наверное. Но я не прекрасная.

– И не шпионка?

– Вероятно, можно сказать и так. Я владею некоторой информацией и хочу ее сохранить. Вам придется поверить мне на слово, что эта информация представляет ценность для вашей страны.

– А вам не кажется, что все это выглядит довольно нелепо?

– Кажется. В книге это могло бы выглядеть нелепо. Но ведь столько нелепых вещей оборачивается правдой, не так ли?

Он снова взглянул ей в лицо. Она была очень похожа на Памелу. И голос ее, несмотря на акцент, был похож на голос сестры. То, что она предлагала, было несерьезно, дико, почти невозможно и, вероятно, опасно, опасно для него. К сожалению, именно это обстоятельство его и привлекало. Иметь нахальство предложить ему такое! Интересно, что из этого может выйти?

– А что мне это даст?

Она посмотрела на него, обдумывая ответ:

– Развлечение. Некоторое разнообразие в череде привычных событий. Может быть, лекарство от скуки. У нас не так много времени. Решайте.

– А что мне делать с *вашим* паспортом? Мне придется купить в киоске парик, если они там имеются? Я должен выдавать себя за женщину?

– Нет, речь не о том, чтобы поменяться местами: вас усыпили и ограбили, но вы остаетесь самим собою. Решайте. Времени нет. Оно бежит очень быстро. Мне нужно заняться своим маскарадом.

– Вы выиграли, – решил он. – Когда предлагают что-то необычное, отказываться нельзя.

– Я надеялась, что вы думаете именно так, но не была уверена.

Сэр Стэффорд Най достал из кармана свой паспорт, опустил его в наружный карман плаща, поднялся с дивана, зевнул, огляделся по сторонам, взглянул на часы и двинулся к киоску, в котором были выставлены на продажу различные товары; при этом он ни разу не обернулся. Он купил дешевую книжку, перебрал несколько мягких плюшевых игрушек – подходящий подарок для какого-нибудь ребенка – и остановил свой выбор на панде. Окинув взглядом зал ожидания, он вернулся на свое прежнее место. Плащ исчез, девушки тоже не было, на столике все так же стоял его недопитый стакан пива. «А вот тут, – подумал он, – я рискую». Он взял стакан, уселся поудобнее и медленно выпил его содержимое. Вкус пива почти не изменился.

«Ну, интересно, – мысленно произнес сэр Стэффорд. – Посмотрим».

Вскоре он поднялся и направился в дальний конец зала, где расположилось то шумное семейство, – все весело смеялись и говорили наперебой. Он уселся рядом, зевнул и откинул голову на спинку кресла. Объявили рейс на Тегеран. Многие пассажиры повставали со своих мест и устремились к регистрационной стойке с соответствующим номером, но в зале оставалось еще множество народу. Он открыл только что купленную книгу и снова зевнул. Ему вдруг страшно захотелось спать... Надо бы решить, где это лучше всего сделать...

Компания «Трансъевропейские линии» объявила вылет очередного самолета. Рейс триста девятый на Лондон.

Многие пассажиры поспешно направились к регистрационной стойке; к этому времени, однако, в зале уже набралось довольно много пассажиров, вылетающих следующими рейсами. А по радио снова сообщили о тумане в Женеве и задержке соответствующего рейса. Тем временем стройный мужчина среднего роста в иссиня-фиолетовом плаще на красной подкладке, с капюшоном, надвинутым на коротко остриженную, но чуть менее аккуратную голову, чем головы многих нынешних молодых людей, пересек зал и встал в очередь. Предъявив посадочный талон, он прошел через выход номер девять.

Последовали другие объявления: рейс компании «Свис эр» на Цюрих, рейс греческой авиалинии на Афины и Кипр... А потом... еще одно объявление, уже иного характера:

«Мисс Дафну Теодофанос, следующую в Женеву, просят пройти регистрацию. Рейс в Женеву откладывается в связи с туманом. Пассажиры будут отправлены через Афины. Самолет готов к вылету».

Потом снова зазвучали объявления, касающиеся пассажиров, следующих рейсами в Японию, Египет, Южную Африку: авиалинии буквально опутывали весь земной шар. Некого господина Сиднея Кука, следующего в Южную Африку, просили подойти к администратору. И опять вызвали Дафну Теодофанос.

«Последний раз объявляется посадка на рейс триста девять».

В углу зала маленькая девочка глазела на мужчину в темном костюме, который крепко спал, откинувшись на спинку красного кресла. В руке у него была маленькая игрушечная панда.

Малышка потянулась было к панде, но мать остановила ее:

- Не надо, Джоан, не трогай. Дядя спит.
- А куда он летит?
- Может быть, в Австралию, как мы.
- А у него есть маленькая девочка, такая, как я?
- Наверное, есть.

Девчушка вздохнула и снова посмотрела на панду. Сэр Стэффорд Най спал. Ему снилось, что он охотится на леопарда. «Это очень опасное животное, – говорил он своему проводнику. – Очень опасное, так все считают. Леопарду нельзя доверять».

В этот момент сон сменился другим, как это всегда бывает со снами, и вот он уже пьет чай со своей тетушкой Матильдой и пытается с ней разговаривать, но та стала совсем глухая, хуже, чем прежде. Он не слышал никаких объявлений, кроме адресованного Дафне Теодофанос. Девочкина мама сказала:

– Знаешь, мне всегда интересно, кто этот пассажир, который не прибыл в аэропорт к назначенному сроку. Когда бы и куда бы я ни летела, всегда одно и то же: то ли кто-то не слышал объявления, то ли вообще не явился, то ли еще что-то. Мне всегда хочется узнать, кто же это такой, чем он занимается и почему опоздал к вылету. Наверное, эта мисс, как там ее зовут, не успеет на свой рейс. Интересно, что она потом будет делать?

Никто не мог бы ответить на этот вопрос, потому что никто не располагал такой информацией.

Глава 2 Лондон

У сэра Стэффорда Ная была очень славная квартира с окнами на Грин-парк. Включив кофеварку, он пошел взглянуть, какая этим утром поступила почта: как оказалось, ничего интересного. Он просмотрел письма, обнаружил пару счетов, чек и несколько писем с довольно заурядными марками на конвертах. Он сложил все это стопкой на столе, где уже лежала кое-какая почта, накопившаяся за два последних дня. Видимо, скоро придется вернуться к делам. После обеда должна появиться секретарша.

Он пошел в кухню, налил себе кофе, вернулся в кабинет и взял письма, которые вскрыл вчера вечером по приезде домой. Взглянув на одно из них, он стал его читать и улыбнулся.

– Половина двенадцатого, – сказал он, – вполне подходящее время. Ну-ка, интересно. Наверное, стоит обдумать все как следует и подготовиться к встрече с Четвиндом.

Он услышал, как в почтовый ящик что-то опустили, и поспешил в прихожую. Оказывается, только что доставили утреннюю газету. Ничего особенно нового в ней не было: политический кризис, немного международных новостей, которые могли бы оказаться тревожными, но, по его мнению, таковыми не были, просто журналист выпускал пар и пытался придать событиям больше значимости, чем они того заслуживали. Нужно же что-нибудь предложить читателю! В парке задушена девушка. «Девушек вечно душат, по одной в день», – цинично заметил он. Детей этим утром не похищали и не насиловали – приятный сюрприз. Он приготовил себе тост и выпил кофе.

Позже он вышел из дому, прошел по улице, потом через парк направился к «Уайтхоллу». Он улыбался про себя: жизнь сегодня казалась ему довольно приятной. Он подумал о Четвинде: дурак из дураков. Приятная внешность, величественная осанка, и такой настороженно-подозрительный при этом. Пожалуй, разговор с Четвиндом доставит ему удовольствие.

В «Уайтхолл» он опоздал на добрых семь минут с единственной целью – продемонстрировать важность своей персоны по сравнению с Четвиндом. Он вошел в кабинет. Четвинд, как всегда, с важным видом сидел за своим столом, заваленным бумагами. Здесь же находилась секретарша.

– Привет, Най, – сказал Четвинд с широкой улыбкой на впечатляюще красивом лице. – Ты рад, что вернулся? Как Малайзия?

– Жарко, – ответил Стэффорд Най.

– Да. Что ж, думаю, там всегда жарко. Ты ведь имеешь в виду погоду, а не политику?

– Ну конечно, исключительно погоду, – заверил его Стэффорд Най, взял предложенную ему сигарету и уселся на стул.

– У тебя есть какая-нибудь стоящая информация?

– Нет, пожалуй. Это не то, что ты имеешь в виду. Я уже представил свой отчет. Как обычно, сплошные разговоры. Как там Лейзенби?

– Да такой же зануда, как всегда. Его уже невозможно исправить.

– Да уж, на это трудно надеяться. Я прежде никогда не работал с Баскомом. Он может быть довольно забавным, когда захочет.

– Правда? Я не очень-то хорошо его знаю. Что ж, наверное, так и есть.

– Ну что ж, я так понимаю, других новостей нет?

– Нет, ничего. Ничего, что могло бы тебя заинтересовать.

– В своем письме ты не сообщил, зачем я тебе понадобился.

– О, просто хотелось обсудить пару вопросов, только и всего. Может быть, ты привез какую-нибудь особо важную информацию, которой полезно располагать на случай, если возникнут какие-то вопросы в палате.

– Да, я понимаю.

– Ты ведь прилетел самолетом? Я слышал, у тебя были неприятности.

Лицо Стэффорда Ная приняло заранее отрепетированное выражение: легкая печаль с оттенком досады.

– Значит, ты уже слышал обо этом? Глупейшая ситуация.

– Судя по всему, именно так.

– Поразительно, – заметил Стэффорд Най, – как все это попадает в газеты. Я видел сегодня сообщение в разделе последних событий.

– Думаю, тебе было не очень-то приятно?

– Еще бы, выставили меня идиотом, так ведь? Придется смириться. И это в моем-то возрасте!

– Так что же все-таки произошло? Я подумал, не сгустили ли они краски в своей статье?

– Я полагаю, они просто выжали из этого случая все, что можно. Ты же знаешь эти поездки, тоска смертная. В Женеве был туман, пришлось изменить маршрут, и мы два часа проторчали во Франкфурте.

– Там это и случилось?

– Да. В этих аэропортах можно помереть со скуки: самолеты то прилетают, то улетают, радио орет не переставая: рейс триста второй на Гонконг, рейс сто девятый на Ирландию, и то и се, люди приходят, люди уходят. А ты все сидишь и зеваешь.

– Так что же все-таки произошло? – не унимался Четвинд.

– А то, что у меня на столике стоял стакан с пивом «Пилзнер», и я подумал, что надо бы что-нибудь купить почитать, поскольку все, что у меня при себе было, я уже прочел, поэтому я пошел к киоску и купил какую-то паршивую книжонку, не помню какую, кажется, детектив, и еще купил мягкую игрушку для племянницы. Потом я вернулся на прежнее место, допил пиво, открыл книгу и заснул.

– Да, понятно. Ты заснул.

– Что ж, это вполне естественно, не так ли? Я думаю, мой рейс объявили, но я этого не слышал и, как выяснилось, по самым понятным причинам. Да, я способен заснуть в аэропорту в любое время и тем не менее способен услышать объявление, которое меня касается. На этот раз я его не услышал. Когда я проснулся или пришел в себя, это уж как будет тебе угодно толковать, мной уже занимались врачи. По-видимому, кто-то бросил в мой стакан таблетку снотворного или что-то в этом роде, когда я ненадолго отлучился к киоску.

– Не правда ли, довольно незаурядное происшествие?

– Да, со мной такого еще не случалось, – согласился Стэффорд Най, – и, надеюсь, больше не случится. Главное, при этом чувствуешь себя полным идиотом, не говоря уже о похмелье. Там был врач и какая-то девица, медсестра, что ли. Во всяком случае, на здоровье это не отразилось. Украли мой бумажник с неким количеством денег да паспорт. Конечно, все это было неприятно. К счастью, наличных было немного, а туристские чеки я держал во внутреннем кармане. Когда теряешь паспорт, неизбежно возникает волокита, но у меня были с собой письма и все такое, так что мою личность установили без труда. Все утряслось довольно быстро, и я попал на свой рейс.

– И все-таки это очень неприятно, – неодобрительно заметил Четвинд, – я имею в виду, для человека в твоём положении.

– Да, – согласился Стэффорд Най. – Это выставляет меня не в лучшем свете, так ведь? То есть я выгляжу не столь блестяще, как предполагает мое... э... положение. – Эта мысль, казалось, его позабавила.

– Ты не выяснял, такое часто происходит?

– Не думаю, что это в порядке вещей, хотя может быть и так. Я полагаю, какой-нибудь любитель украсть все, что плохо лежит, мог заметить спящего и залезть к нему в карман, а если он профессионал в своем деле, то и завладеть кошельком или бумажником, смотря как повезет.

– Потерять паспорт довольно неприятно.

– Да уж. Теперь мне предстоит хлопотать о получении другого и, наверное, придется представлять кучу объяснений. Короче говоря, все это ужасная нелепость. И кроме всего прочего, Четвинд, это ведь выставляет меня в весьма невыгодном свете.

– Ну что ты, ты ведь не виноват, дружище, ты не виноват. Такое могло случиться с кем угодно.

– Очень мило с твоей стороны, – согласно улыбаясь, произнес Стэффорд Най. – Хороший урок я получил, правда?

– Ты ведь не думаешь, что кто-то хотел заполучить именно твой паспорт?

– Вряд ли, – ответил Стэффорд Най. – Кому бы мог понадобиться мой паспорт? Разве что кто-то хотел меня разыграть, но это маловероятно. Или же кому-то понравилась моя фотография в паспорте, а это еще менее вероятно.

– Ты никакого знакомого не встретил там... где, говоришь, был, во Франкфурте?

– Нет, нет, совершенно никого.

– И ни с кем не разговаривал?

– Да нет, вроде бы ни с кем, разве что сказал пару слов славной толстушке, которая пыталась развеселить своего малыша. По-моему, они были из Вигана и летели в Австралию. А больше я никого не помню.

– Ты уверен?

– Еще какая-то женщина спрашивала, что ей нужно делать, чтобы изучать археологию в Египте. Я сказал, что ничего об этом не знаю, и посоветовал обратиться в Британский музей. А еще я перемолвился парой слов с женщиной, по-моему противником вивисекции: он очень горячо об этом говорил.

– Всегда кажется, – заметил Четвинд, – что за такими делами должно что-то скрываться.

– За какими делами?

– Ну, за такими, как то, что произошло с тобой.

– Не вижу, что могло бы за этим скрываться, – возразил сэр Стэффорд. – Газетчики, надо полагать, могли бы состряпать какую-нибудь историю, они на это мастера. И все же история глупейшая. Ради бога, давай оставим это. Наверное, теперь, когда об этом написали в газетах, мои друзья начнут приставать ко мне с расспросами. Ты лучше скажи, как поживает старина Лейланд? Чем он сейчас занимается? До меня доходили какие-то слухи о нем. Лейланд всегда слишком много болтает.

Минут десять мужчины дружески беседовали о делах, затем сэр Стэффорд поднялся.

– У меня много дел сегодня, – объяснил он, – нужно купить подарки родственникам. Беда в том, что, если едешь в Малайзию, все родственники ждут от тебя экзотических сувениров. Пойду-ка я в «Либерти», у них там неплохой набор восточных товаров.

Он бодро вышел, кивнув в коридоре на ходу двоим знакомым. После его ухода Четвинд позвонил по телефону секретарше:

– Попросите ко мне полковника Манроу.

Полковник Манроу вошел, а с ним высокий мужчина средних лет.

– Вы знакомы с Хоршемом? Он из службы безопасности.

– По-моему, мы встречались, – ответил Четвинд.

– Най только что от вас вышел, не так ли? – спросил полковник Манроу. – Есть что-нибудь в его рассказе про Франкфурт? Я имею в виду, что-нибудь, достойное внимания?

– Мне кажется, нет, – сказал Четвинд. – Он немного расстроен: думает, что выставил себя дураком, и, конечно же, так оно и есть.

Человек по фамилии Хоршем кивнул:

– Он так это воспринимает?

– Ну, он пытается представить эту историю в пристойном свете, – произнес Четвинд.

– И все-таки на самом деле он ведь вовсе не дурак, не так ли?

Четвинд пожал плечами:

– Всякое бывает.

– Я знаю, – сказал полковник Манроу, – да, да, я знаю. И тем не менее, видите ли, мне всегда казалось, что Най несколько непредсказуем. Что в некотором роде, так сказать, его суждения здравыми не назовешь.

Человек по фамилии Хоршем возразил:

– Против него ничего нет. Насколько *нам* известно, совсем ничего.

– Да нет, я и не хочу сказать, что что-то есть, я совсем не это имел в виду, – заторопился Четвинд. – Просто... как бы это выразиться... Он не всегда серьезно относится к жизни.

У мистера Хоршема были усы; он считал полезным иметь усы. Они помогали скрыть улыбку, когда не удавалось ее сдержать.

– Он не глупец, – сказал Манроу. – Знаете ли, мозги у него на месте. Вы не думаете, что... то есть вам не кажется, что за всем этим кроется что-то подозрительное?

– С его стороны? По-моему, нет.

– Вы все проверили, Хоршем?

– У нас было не так много времени, но пока что все вроде бы в порядке. Правда, его паспортом воспользовались.

– Воспользовались? Каким образом?

– Он был предъявлен в Хитроу.

– Вы хотите сказать, кто-то прошел, назвавшись именем сэра Стэффорда Ная?

– Нет, нет, – возразил Хоршем, – подробностей мы не знаем, но едва ли такое могло произойти. Просто этот паспорт прошел контроль наравне с другими, не вызвав никаких подозрений. Насколько я понимаю, в это время он еще даже не очнулся от снотворного, или что там ему подсыпали. Он все еще находился во Франкфурте.

– Но ведь кто-то мог украсть его паспорт, сесть в самолет и прилететь в Англию?

– Да, – согласился Манроу, – создается впечатление, что-либо кто-то похитил бумажник, в котором находились деньги и паспорт, либо же кому-то нужен был именно паспорт, и этот кто-то решил, что сэр Стэффорд Най – как раз тот, у кого можно его стащить. Пиво было на столе, и оставалось лишь бросить в него таблетки снотворного и подождать, пока оно подействует.

– Но паспорта ведь как-никак проверяют! Могли заметить, что это не тот человек, – возразил Четвинд.

– Ну, естественно, какое-то сходство в таких случаях необходимо, – сказал Хоршем. – Но получилось так, что при посадке отсутствия Стэффорда Ная не обнаружили, а его паспорт в руках другого человека не привлек особого внимания. Так бывает, особенно когда идет на посадку огромная толпа. Человек похож на фотографию в паспорте, вот и все. Взгляд мельком, паспорт возвращают, человек проходит. И вообще, обычно присматриваются к прибывающим иностранцам, а не к англичанам. Темные волосы, синие глаза, чисто выбритый подбородок, рост пять с чем-то футов – вот и все, на что обращают внимание; главное, чтобы твое имя не значилось в списке нежелательных иностранцев.

– Знаю, знаю. И все-таки если кому-то просто захотелось украсть бумажник или деньги, он не стал бы пользоваться паспортом. Слишком большой риск.

– Да, – согласился Хоршем. – Да, именно в этом и заключается главное. Конечно, мы ведем расследование, опрашиваем разных людей.

– А сами вы как думаете?

– Я пока воздержусь от высказываний, необходимо еще кое-что уточнить. Нельзя торопить события.

– Все они одинаковы, – вздохнул полковник Манроу, когда Хоршем ушел. – Эти ребята из службы безопасности никогда ничего не рассказывают. Если они считают, что напали на след, то ни за что в этом не признаются.

– Что ж, это естественно, – возразил Четвинд, – они ведь тоже могут ошибаться.

Полковнику эта точка зрения показалась типично политической.

– Хоршем – отличный профессионал, – сообщил он. – Начальство оценивает его работу очень высоко. Вряд ли он может ошибаться.

Глава 3

Человек из химчистки

Сэр Стэффорд Най вернулся в свою квартиру. Со словами приветствия из маленькой кухни выскочила дородная женщина:

– Я рада, что вы благополучно вернулись, сэр. Ох уж эти отвратительные самолеты! Никогда не знаешь, что может случиться, правда?

– Совершенно с вами согласен, миссис Уаррит, – ответил сэр Стэффорд Най. – Мой самолет опоздал на два часа.

– Совсем как автомобили, правда ведь? Я хочу сказать, никогда не знаешь, когда в них что-то сломается, только вот в воздухе пострашнее, правда? Тут уж не съедешь на обочину, чтобы починиться. Ну нет, я-то сама в жизни никогда не летала и не полечу ни за что на свете! Я тут кое-что заказала, – продолжала она, – надеюсь, что не ошиблась: яйца, масло, кофе, чай... – Она тараторила со скоростью араба-экскурсовода, показывающего дворец фараона. – Ну вот, – миссис Уаррит перевела дух, – по-моему, это все, что вы могли бы пожелать. А еще я заказала французскую горчицу.

– Не «Дижон»? Они всегда пытаются всучить именно «Дижон».

– Не знаю такого, но это «Эстер драгон», то, что вы любите, я правильно говорю?

– Совершенно правильно, – подтвердил сэр Стэффорд. – Вы просто чудо.

Польщенная похвалой, миссис Уаррит вернулась на кухню, а сэр Стэффорд направился в спальню и уже взялся за ручку двери, когда вдруг услышал:

– Ничего, что я отдала вашу одежду тому господину, который за ней приходил? Вы не оставили мне никаких распоряжений на этот счет.

– Какую одежду? – Сэр Стэффорд Най замер на месте.

– Два костюма, как сказал тот господин. Он сказал, что из чистки Твисса и Бониворка, по-моему, откуда приходили и прежде. Если я не ошибаюсь, у нас были какие-то недоразумения с чисткой «Белый лебедь».

– Два костюма? – переспросил сэр Стэффорд Най. – Какие именно?

– Ну, тот, в котором вы вернулись домой, сэр, я решила, что один из двух – это именно он. Насчет другого я не была так уверена, но тот синий костюм в полоску, про который вы ничего мне не сказали перед отъездом, нуждался в чистке, и правый рукав надо было починить на обшлагае, но я не хотела распоряжаться самостоятельно, я такого не люблю, – заявила миссис Уаррит с видом самой добродетели.

– Значит, этот парень, кто бы он ни был, унес костюмы?

– Надеюсь, я не сделала что-нибудь не так? – заволновалась миссис Уаррит.

– Ничего не имею против того, что унесли синий костюм в полоску. Я бы сказал, что это даже к лучшему. Что же касается того, в котором я приехал, что ж...

– Он тонковат, сэр, этот костюм, для нашей погоды, вы понимаете, сэр. Он хорош там, где вы были, где жарко. И его пора было вычистить. Он говорил, что вы звонили насчет них, тот парень, который за ними приходил.

– Он вошел в мою комнату и забрал их сам?

– Да, сэр. Я подумала, что так будет лучше.

– Очень интересно, – заметил сэр Стэффорд. – Да, очень интересно.

Он вошел в спальню и осмотрелся: всюду царили чистота и порядок, постель заправлена – чувствовалась рука миссис Уаррит, электробритва поставлена на подзарядку, вещи на туалетном столике аккуратно расставлены.

Он подошел к шкафу и заглянул в него, потом проверил содержимое ящиков комода, который стоял у стены рядом с окном. Все было в полном порядке, в большем, чем следовало бы.

Вчера вечером он распаковал лишь часть своего багажа, небрежно рассовав по ящикам нижнее белье и прочее барахло. Он намеревался утром все как следует разложить по местам и не ожидал, что за него это сделает миссис Уаррит: он не думал, что она займется этим немедленно. Он решил, что у него будет время, чтобы постепенно привести все в порядок: после заграничных поездок полагается отдых – сказывается перемена климата и прочее. Значит, кто-то здесь все обыскал, кто-то выдвинул ящики, быстро просмотрел их содержимое, поменял вещи местами, разложив их аккуратнее, чем сделал бы это он сам. Быстрая тщательная работа, и этот кто-то ушел, унеся под благовидным предлогом два костюма: тот, в котором сэр Стэффорд вернулся домой, и другой, из тонкой материи, видимо, один из тех, которые он брал с собой за границу. И что же это значит?

– Это значит, – задумчиво сказал себе сэр Стэффорд, – что кто-то что-то искал. Но что? И кто? И зачем? Да, непонятно.

Он сел в кресло и задумался. Взгляд его упал на тумбочку у кровати, на которой с наглым видом восседала маленькая плюшевая панда; она вызвала у него целый каскад мыслей. Он подошел к телефону и набрал номер.

– Тетушка Матильда? Это Стэффорд.

– А, мой дорогой, значит, ты вернулся! Я очень рада. Я вчера прочла в газете, что в Малайзии холера, по крайней мере, я думаю, что речь шла именно о Малайзии, я всегда путаю эти названия. Надеюсь, ты вскоре меня наведишь? И не говори, что занят, не можешь же ты быть все время занят! Это только у акул бизнеса так бывает, да и то лишь во время слияний или объединений. Я совершенно не понимаю, что это такое на самом деле. Почему-то теперь все это связано с атомными бомбами и бетонными заводами, – раздраженно продолжала тетушка Матильда. – А эти ужасные компьютеры, которые все цифры тебе путают, не говоря уж о том, что пишут их не так. Право же, жизнь так изменилась из-за них: ты не поверишь, что они сотворили с моим банковским счетом, да и с моим почтовым адресом тоже. Ну что ж, наверное, я слишком зажилась на этом свете.

– Не придумывайте! Что, если я заеду на той неделе?

– Можешь приехать хоть завтра. Правда, у меня обедает викарий, но я легко могу от него отделаться.

– Что вы, это не обязательно.

– Ну уж нет, очень даже обязательно. Он меня ужасно раздражает, а кроме того, он желает получить новый орган для церкви, хотя и старый в полном порядке. Я хочу сказать, что дело вовсе не в органе, а в органисте. Отвратительный музыкант. Викарий его жалеет, потому что тот потерял горячо любимую мать. Но, право же, привязанность к матери не поможет лучше играть на органе, ты согласен со мной? По-моему, на вещи надо смотреть трезво.

– Вы совершенно правы. И все-таки я смогу приехать только на следующей неделе, мне нужно срочно кое-чем заняться. Как поживает Сибил?

– Славное дитя! Большая баловница, но такая забавная!

– Я привез ей плюшевую панду, – сообщил сэр Стэффорд Най.

– Очень мило с твоей стороны, дорогой.

– Надеюсь, ей понравится, – добавил сэр Стэффорд, поймав взгляд панды и ощутив некоторое беспокойство.

– Во всяком случае, она очень хорошая, воспитанная девочка.

Ответ тетушки Матильды показался сэру Стэффорду слегка неопределенным и не совсем понятным.

Тетушка Матильда назвала ему расписание нескольких поездов на следующей неделе, предупредив, что очень часто они вообще не ходят или меняют расписание, а также попросила привезти сыр: головку камамбера и половинку стильтона.

– У нас тут сейчас невозможно что-либо достать. Наша бакалейная лавка – бакалейщик был такой приятный мужчина, такой заботливый, так хорошо знал, что мы все любим, – вдруг превратилась в супермаркет и теперь стала в шесть раз больше, все перестроено, ходишь по магазину с проволочной корзиной и набиваешь ее тем, что тебе совершенно не нужно. Мамаши вечно теряют своих детей, режут и бьются в истерике. Все это крайне утомительно. Значит, я жду тебя, мой мальчик. – Она повесила трубку.

Телефон тут же зазвонил.

– Алло? Стэффорд? Это Эрик Пью. Мне сказали, то ты вернулся из Малайзии. Как насчет того, чтобы вместе поужинать?

– Великолепная идея.

– Хорошо. В восемь пятнадцать в клубе «Лимпиц».

Когда сэр Стэффорд повесил трубку, в комнату, пыхтя, влетела миссис Уаррит:

– Сэр, внизу какой-то джентльмен хочет вас видеть. Во всяком случае, я так поняла.

Он уверен, что вы не будете возражать.

– Как его зовут?

– Хоршем, сэр, как то место по дороге в Брайтон.

– Хоршем... – Сэр Стэффорд Най был слегка удивлен.

Он вышел из спальни и спустился на один пролет по лестнице, ведущей в большую гостиную на первом этаже. Миссис Уаррит не ошиблась: это был-таки Хоршем, точно такой же, как полчаса назад: рослый, надежный, подбородок с ямочкой, румяные щеки, пушистые седые усы и невозмутимый вид.

– Надеюсь, вы не против, – любезным тоном осведомился он, поднимаясь со стула.

– Не против чего?

– Не против того, чтобы снова так скоро меня увидеть. Мы встретились с вами в коридоре у кабинета Гордона Четвинда, помните?

– Не имею никаких возражений, – сказал сэр Стэффорд Най. – Он пододвинул к Хоршему ящичек с сигаретами. – Присаживайтесь. Что-то забыли, что-то не было сказано?

– Очень приятный человек мистер Четвинд, – заметил Хоршем. – Я думаю, вы его успокоили, его и полковника Манроу. Знаете, они немного расстроены из-за этой истории, то есть из-за вас.

– Да что вы? – Сэр Стэффорд Най тоже сел. Он улыбнулся, закурил и внимательно взглянул на Генри Хоршема. – И что дальше?

– Я просто подумал, могу ли я спросить, не проявив излишнего любопытства, куда вы теперь направитесь?

– С удовольствием вам отвечу: собираюсь погостить несколько дней у своей тетки, леди Матильды Клекхитон. Хотите, я дам вам ее адрес?

– Он мне известен, – ответил Генри Хоршем. – Что ж, думаю, это отличная мысль. Тетушка будет рада видеть вас целым и невредимым. Все могло бы быть гораздо хуже.

– Это мнение полковника Манроу и мистера Четвинда?

– Ну, вы же знаете, как это бывает, – продолжал Хоршем. – Господа в этом департаменте всегда сомневаются. Они никогда не знают точно, верить вам или нет.

– Верить мне? – оскорбился сэр Стэффорд Най. – Что вы хотите этим сказать, мистер Хоршем?

Мистер Хоршем лишь улыбнулся:

– Видите ли, у вас репутация человека, который несерьезно относится к жизни.

– Понятно... А я подумал, что принимаете меня за человека без определенных занятий, за какого-то подозрительного типа.

– Нет, что вы, сэр, они просто считают вас несерьезным человеком, способным откалывать разные шутки.

– Нельзя же всю жизнь относиться серьезно и к себе, и к окружающим, – неодобрительно заметил сэр Стэффорд Най.

– Конечно. Однако, как я уже говорил, вы пошли на довольно большой риск, не так ли?

– Не имею ни малейшего представления, о чем идет речь.

– Я объясню. Иногда события принимают нежелательный ход, и не всегда в этом виновны люди. Просто вмешивается некто, назовем его Всемогущим, или другой господин, который с хвостом.

Сэр Стэффорд Най немного расслабился:

– Вы говорите о тумане в Женеве?

– Совершенно верно, сэр. В Женеве был туман, и это расстроило чьи-то планы. Кто-то оказался в чертовски трудном положении.

– Расскажите мне об этом подробно, – потребовал сэр Стэффорд Най.

– Так вот, когда вчера ваш самолет вылетел из Франкфурта, на нем недосчитались одного пассажира. Вы тем временем выпили пиво и тихо похрапывали в уголке дивана. Одна пассажирка не прошла регистрацию, и ее вызывали снова и снова. В конце концов самолет, по-видимому, улетел без нее.

– Понятно. А что с ней случилось?

– Было бы интересно узнать. Во всяком случае, ваш паспорт прилетел в Хитроу без вас.

– А где он теперь? Думаете, у меня?

– Нет, вряд ли, это было бы слишком просто. Снотворное – хорошая, надежная штука. Как раз то, что надо, если уместно в данном случае так выразиться. Вы отключились, и без особых последствий.

– У меня было ужасное похмелье, – возразил сэр Стэффорд.

– Ну что ж, в таких случаях без этого не обойтись.

– Ну, раз вы, похоже, все на свете знаете, то скажите, что бы произошло, откажись я принять предложение, которое мог бы – я говорю всего лишь «мог бы» – получить?

– Весьма вероятно, что для Мэри-Энн все было бы кончено.

– Мэри-Энн? Кто это?

– Мисс Дафна Теодофанос.

– Кажется, именно так звали отсутствующую пассажирку?

– Да, она путешествовала под этим именем. Мы называем ее Мэри-Энн.

– А можно узнать, кто она такая?

– В своей профессии она одна из лучших.

– А что у нее за профессия? Она наша или не наша, если вы понимаете, кто такие «не наши»? Должен вам сказать, лично я на этот вопрос ответить затрудняюсь.

– Да, вопрос непростой, не правда ли? Как быть с китайцами, русскими и этой чудной компанией, которая организует студенческие беспорядки, а новая мафия, а эти странные ребята в Южной Америке? А это милое гнездышко финансистов, у которых непонятно что на уме? Да, разобраться нелегко.

– Мэри-Энн... – повторил сэр Стэффорд Най. – Довольно необычное имя, если на самом деле ее зовут Дафной Теодофанос.

– Ее мать гречанка, отец англичанин, а дед австрийский подданный.

– А что бы произошло, если бы я... ну, скажем, не одолжил ей некий предмет одежды?

– Ее могли бы убить.

– Да что вы, не может быть!

– Нас беспокоил аэропорт Хитроу. Там последнее время происходят странные вещи, которым мы пока не можем найти объяснения. Если бы самолет летел через Женеvu, как было запланировано, все было бы в порядке, мы обо всем заранее позаботились, но, когда маршрут изменился, тут уже не оставалось времени, чтобы что-то предпринять, да к тому же в наши дни не всегда знаешь, кто есть кто. Все ведут двойную игру, а то и тройную или четверную.

– Вы меня встревожили, – сказал сэр Стэффорд Най. – Но ведь с ней же все в порядке, не так ли? Вы ведь на это намекаете?

– Надеюсь, что с ней все в порядке. У нас нет сведений об обратном.

– Если вам это может помочь, то сегодня утром, пока я беседовал со своими приятелями в Уайтхолле, сюда приходил какой-то мужчина. Он сказал прислуге, будто я звонил в чистку, и забрал костюм, который был на мне вчера, и еще один. Может быть, ему просто понравился этот второй костюм, или, возможно, он коллекционирует одежду разных джентльменов, недавно вернувшихся из-за границы, или... у вас есть еще варианты?

– Вероятно, этот человек что-то искал.

– Вот именно: кто-то что-то искал. Все вещи целы и на своих местах, но не в том положении, в каком вчера я их оставил. Ну ладно, он что-то искал, но что именно?

– Если бы знать, – медленно произнес Хоршем. – Что-то где-то происходит, что-то все время вылезает, как из плохо упакованного свертка, то в одном месте, то в другом. То кажется, что все события происходят на бейрутском фестивале, и тут же что-то проклевывается на какой-нибудь латиноамериканской ферме, а потом обнаруживается ниточка, ведущая в США. В разных местах творится что-то опасное, и за всем этим проглядывается некая цель – то ли политическая, то ли совсем иного характера. Возможно, деньги, – добавил он. – Вы ведь знаете мистера Робинсона? Или, скорее, мистер Робинсон знает вас; по-моему, он так сказал.

– Робинсон? – задумчиво произнес сэр Стэффорд Най. – Славная английская фамилия. – Он взглянул на Хоршема. – Крупный, с желтым лицом, толстый, занимается финансами? Он что, тоже на стороне ангелов, вы на это намекаете?

– Не знаю, как насчет ангелов, – ответил Генри Хоршем, – но в этой стране он не раз вытаскивал нас из затруднительных положений. Такие люди, как мистер Четвинд, не очень-то любят с ним сотрудничать – наверное, считают его услуги слишком дорогими. Он скуповат, этот мистер Четвинд. Большой мастер наживать врагов там, где не следует.

– Как говорится, «бедный, но честный», – задумчиво произнес сэр Стэффорд Най. – Вы бы, наверное, перефразировали мои слова и сказали о мистере Робинсоне «дорогой, но честный». Или «честный, но дорогой». – Он вздохнул. – Жаль, что вы не можете рассказать мне, что все это значит. – Он с надеждой посмотрел на Генри Хоршема, но тот покачал головой:

– Никто из нас точно не знает.

– Что же такое рассчитывали у меня найти, если кому-то понадобилось явиться ко мне в дом и все там перерывать?

– Откровенно говоря, сэр Стэффорд, я понятия не имею.

– Что ж, очень жаль, поскольку я тоже.

– Значит, по-вашему, у вас нечего искать. Может быть, вас попросили что-нибудь кому-то передать? Или спрятать у себя?

– Ничего подобного. Если вы имеете в виду Мэри-Энн, то она только сказала, что хочет спасти свою жизнь, и больше ничего.

– Если вечером в газетах не появится некое сообщение, можете считать, что действительно спасли ей жизнь.

– Похоже на конец главы, не так ли? Жаль. А меня все больше разбирает любопытство. Я очень хочу знать, что произойдет дальше. Кажется, вы все настроены весьма пессимистично.

– Честно говоря, так оно и есть. В этой стране дела идут неладно. Что тут удивительного?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Иногда мне и самому кажется...

Глава 4

Ужин с Эриком

– Старик, ты не возражаешь, если я тебе кое-что скажу? – спросил Эрик Пью.

Сэр Стэффорд Най взглянул на собеседника. С Эриком Пью он был знаком уже много лет, но близкими друзьями они никогда не считались: в роли друга старина Эрик был бы весьма утомителен, по крайней мере, так казалось сэру Стэффорду. С другой стороны, он был надежным товарищем. Кроме того, хоть общаться с ним было скучновато, он как-то умудрялся все знать. Если ему что-то рассказывали, он это запоминал и сберегал в памяти. Иногда у него можно было выведать кое-что полезное.

– Ты ведь вернулся с малайзийской конференции?

– Да, – ответил сэр Стэффорд.

– Там происходит что-нибудь значительное?

– Да нет, все как всегда.

– Понятно. Я думал, мало ли... ну ты понимаешь, мало ли, какая-нибудь лиса в курятнике...

– Что, на конференции? Да нет, все было скучнейшим образом предсказуемо. Все говорили именно то, чего от них и ждали, только, к сожалению, гораздо пространнее, чем хотелось бы. И зачем я езжу на такие сборища, сам не знаю.

Эрик Пью сделал пару скучных замечаний по поводу того, что в действительности затевают китайцы.

– Не думаю, что они на самом деле что-нибудь затевают, – возразил сэр Стэффорд. – Тебе известны все эти слухи о том, чем болеет бедный старый Мао и кто ведет против него интриги и почему?

– А как тот арабо-израильский вопрос?

– Тоже продвигается по плану, то есть по их плану. Но в любом случае, какое это имеет отношение к Малайзии?

– Ну, вообще-то я имею в виду не совсем Малайзию.

– Я тебя не понимаю. Откуда это уныние?

– Ну, мне просто интересно – ты ведь простишь мою бестактность, правда? Я хочу спросить, ты ничего не натворил такого, что способно замарать твою репутацию?

– Я?! – изумился сэр Стэффорд.

– Ну, ты ведь себя знаешь, Стэфф. Ты любишь иногда дать людям встряхнуться.

– Последнее время я вел себя безупречно, – возразил сэр Стэффорд. – А что такого ты обо мне слышал?

– Говорят, у тебя возникли какие-то неприятности на обратном пути.

– Да? И от кого ты это слышал?

– Видишь ли, я встретил старого Картисона.

– Жуткий старый зануда, вечно выдумывает то, чего не было.

– Да, я знаю. Но он просто сказал, что не помню кто, вроде бы Винтертон, думает, что ты что-то натворил.

– Натворил? К сожалению, нет.

– Где-то ведется шпионаж, и его беспокоят некоторые люди.

– Они что, принимают меня за очередного Филби?

– Видишь ли, ты иногда позволяешь себе весьма неблагоприятные высказывания, да и шутки твои бывают неудачными.

– Иногда очень трудно удержаться, – последовал ответ. – Эти политики и дипломаты все такие многозначительно напыщенные, что хочется порой их взбодрить.

– Старик, у тебя крайне извращенное чувство юмора. Правда. Я иногда за тебя беспокоюсь. Тебе хотели задать несколько вопросов о том, что произошло, когда ты летел домой, и, кажется, сложилось впечатление, что ты... ну, что ты отвечал не вполне искренне.

– Ах вот оно что! Занятно. Пожалуй, мне придется кое-что предпринять.

– Только избегай опрометчивых действий.

– Должен же я иногда поразвлечься!

– Послушай, старина, я надеюсь, ты не собираешься загубить собственную карьеру во имя своей неистребимой жажды юмора?

– Я уже почти пришел к выводу, что нет ничего скучнее карьеры.

– Знаю, знаю. Ты всегда придерживался такой точки зрения и, знаешь ли, не так уж и продвинулся в своей карьере, как следовало бы. А ведь когда-то у тебя были шансы попасть в Вену! Смотреть противно, как ты сам все себе портишь.

– Поверь мне, я веду себя предельно рассудительно и добропорядочно, – заверил приятеля сэр Стэффорд Най и добавил: – Не волнуйся, Эрик. Ты хороший друг, но, честное слово, я не повинен в каких-либо забавах или играх.

Эрик с сомнением покачал головой.

Вечер был прекрасен. Сэр Стэффорд пошел домой пешком через Грин-парк. Переходя улицу в Бердкейдж-Уок, он чуть было не попал под вылетевшую прямо на него машину. Сэр Стэффорд был человеком спортивным и успел в один прыжок оказаться на тротуаре. Машина скрылась из виду. Сэр Стэффорд постоял немного в задумчивости: он готов был поклясться, что водитель намеренно пытался его сбить. Любопытная история. Сначала обыскали его квартиру, а теперь и его самого чуть не угробили. Возможно, это всего лишь случайное совпадение. И все же в своей жизни, часть которой прошла в диких местах и среди диких людей, сэр Стэффорд Най не раз встречался с опасностью, ему были знакомы, так сказать, ее вкус и запах. Сейчас он снова почувствовал ее. Кто-то явно охотится за ним, но почему? Насколько он понимал, вроде бы нигде не высывался. Очень странно.

Сэр Стэффорд вошел в квартиру и поднял с пола почту. Ничего особенного, пара счетов и журнал «Лайфбоут», в котором он время от времени печатался. Он бросил счета на стол и снял обертку с журнала. Погруженный в свои мысли, он принялся рассеянно листать журнал и внезапно замер от удивления: между страницами, приклеенный липкой лентой, красовался его собственный паспорт, возвращенный таким странным способом. Он отодрал липкую ленту и раскрыл паспорт. Последний штамп свидетельствовал о его вчерашнем прибытии в Хитроу. Незнакомка, воспользовавшаяся его паспортом, жива и невредима, благополучно добралась до Англии и теперь вернула его. Где она теперь, хотелось бы знать?

Интересно, увидит ли он ее еще когда-нибудь? Кто она такая, куда исчезла и почему? У него было такое чувство, словно он ждал начала и понимал, что первый акт еще не окончен. Что, собственно, он видел? Старомодную одноактную пьесу, исполняемую перед началом основного спектакля: некая девушка, изъявившая нелепое желание выдать себя за мужчину, благополучно прошла паспортный контроль в Хитроу и, выйдя из аэропорта, затерялась в Лондоне. Нет, вряд ли он когда-либо с нею встретится. Это выводило его из себя. Он и сам не понимал, зачем, собственно, ему так необходимо ее увидеть: она была не так уж и хороша собой, ничего особенного. Хотя нет, это не совсем так: она была именно особенной, иначе ей не удалось бы без особых усилий, без неприкрытого женского кокетства, лишь простой просьбой о помощи убедить его сделать то, что он сделал. И она намекнула ему, что разбирается в людях и признала в нем человека, готового пойти на риск, чтобы помочь ближнему. «А ведь я и вправду рисковал, – подумал сэр Стэффорд. – Она могла бросить мне в стакан с пивом все, что угодно, и если бы пожелала, то в том дальнем углу зала ожидания нашли бы мой хладный труп. А если она разбиралась в лекарствах, а она, несомненно, в них разбиралась, то мою смерть объяснили бы сердечным приступом из-за высокого давления или

еще чего-нибудь. Ладно, что толку думать об этом?» Скорее всего, он ее больше не увидит, и эта мысль вызывала у него досаду.

Да, он был раздосадован, и это ему не нравилось. Он размышлял на эту тему несколько минут, затем написал объявление для троекратной публикации в газете:

«Пассажир, прибывший во Франкфурт 3 ноября. Прошу связаться с лондонским попутчиком».

Больше ничего. Либо она объявится, либо нет. Если это объявление попадет ей на глаза, она поймет, кто его дал. Она воспользовалась его паспортом и знает, как его зовут, и смогла выяснить его адрес. Может быть, она свяжется с ним, а может, нет. Скорее всего, нет. А если так, то пролог останется прологом, глупой одноактной пьесой для развлечения опоздавших зрителей, ожидающих начала главного спектакля. Такие пьески были в моде до войны. По всей вероятности, она не объявится – просто потому, что сделала то, зачем приезжала в Лондон, и уже покинула Англию, улетела в Женеву, или на Ближний Восток, или в Китай, или в Южную Америку, или в Соединенные Штаты. «А почему, – подумал сэр Стэффорд, – я вспомнил Южную Америку? Почему-то ведь вспомнил, хотя никто не упоминал о Южной Америке, кроме разве что Хоршема. И даже тот всего лишь сказал о ней мимоходом».

На следующее утро, отнеся объявление в газету и неторопливым шагом возвращаясь домой через парк Сент-Джеймс, он вдруг заметил осенние цветы – длинноногие чопорные хризантемы с золотисто-бронзовыми шапками. До него донесся их аромат, похожий, как ему всегда казалось, на запах козы, он напомнил ему о склонах холмов в Греции. Надо не забыть просмотреть колонку частных объявлений. Нет, пока еще рано, пройдет по крайней мере два-три дня, прежде чем опубликуют его объявление и кто-нибудь сможет поместить в той же газете ответ. И если ответ появится, то никак нельзя его прозевать, должен же он, в конце концов, знать, что происходит на самом деле!

Он попытался вспомнить не девушку из аэропорта, а свою сестру. Много лет прошло со дня ее кончины. Конечно, он ее не забыл, но почему-то никак не мог отчетливо представить себе ее лицо и поэтому злился. Собравшись перейти улицу, он остановился. Улица была пустынной, если не считать единственной машины, которая тащилась с величественным видом престарелой дамы. Развалюха, подумал он. Допотопный лимузин, «Даймлер». Он пожал плечами. И спохватился: что это он тут стоит, задумавшись, как идиот?

Он решительно шагнул на проезжую часть улицы, и тут вдруг развалюха, эта «престарелая дама», как он мысленно обозвал ее, с поразительной скоростью рванула вперед и понеслась на сэра Стэффорда так стремительно, что тот едва успел добежать до противоположного тротуара; сверкнув фарами, машина исчезла за поворотом.

«Очень интересно, – сказал себе сэр Стэффорд. – Неужели я кому-то не нравлюсь и этот кто-то за мной следит и ждет удобного случая?»

Полковник Пайкавей сидел развалившись в кресле в маленькой комнате в Блумсбери, где он имел обыкновение пребывать с десяти до пяти с коротким перерывом на обед, и утопал, как всегда, в густых облаках сигарного дыма, глаза его были закрыты и лишь иногда моргали, свидетельствуя о том, что он не спит. Голову он поднимал редко. Некий нахальный юнец однажды сказал, что он похож на гибрид древнего Будды и большой синей лягушки с некоторыми наследственными признаками бегемота.

Тихий звонок внутреннего телефона у него на столе прервал его сладостный сон. Он трижды моргнул и, открыв глаза, нехотя поднял трубку:

– Да?

Раздался голос его секретарши:

– К вам пришел министр.

– Неужели? А какой именно министр? Баптистский, из церкви за углом?

– О нет, полковник Пайкавей, это сэр Джордж Пэкхем.

– Жаль, – произнес, задыхаясь, полковник Пайкавей. – Очень жаль. Преподобный Макгилл гораздо занятнее. В нем чувствуется великолепный адский огонь.

– Мне проводить его к вам, полковник Пайкавей?

– Полагаю, он хочет, чтобы его проводили немедленно. И что это они все такие обидчивые? – мрачно проворчал полковник Пайкавей. – Обязательно нужно ворваться и устроить тут истерику.

Сэра Джорджа Пэкхема препроводили в кабинет полковника. Едва переступив порог, визитер закашлялся и захрипел; с большинством посетителей здесь происходило то же самое. Окна маленькой комнаты были плотно закрыты. Полковник Пайкавей снова откинулся в своем кресле, весь усыпанный сигарным пеплом. Атмосфера в кабинете была совершенно невыносимой, и сослуживцы полковника именовали его прибежище не иначе как «Кошкин дом».

– А, мой дорогой друг, – приветствовал хозяина сэр Джордж с жизнерадостностью, совершенно не вязавшейся с унылым выражением его лица. – Давненько мы с вами не виделись!

– Присаживайтесь, присаживайтесь же, – вторил ему Пайкавей, – хотите сигару?

Сэр Джордж слегка вздрогнул:

– Нет, благодарю вас, нет, нет, большое спасибо.

Он бросил многозначительный взгляд на окна. Полковник Пайкавей намека не понял. Сэр Джордж прочистил горло и, опять закашлявшись, произнес:

– Э... я полагаю, Хоршем к вам заходил.

– Да, Хоршем здесь был и все рассказал, – подтвердил полковник Пайкавей, медленно опуская веки.

– Я подумал, что так будет лучше. Я имею в виду, чтобы он зашел к вам сюда. Очень важно, чтобы не пошли какие-нибудь разговоры.

– Ах, – вздохнул полковник Пайкавей, – но ведь разговоры все равно пойдут, не так ли?

– Простите?

– Все равно будут болтать.

– Я не знаю, насколько вы... э... информированы об этом последнем деле.

– Мы знаем все, – заверил его полковник Пайкавей. – Для того мы тут и сидим.

– Да, да, конечно. Я имею в виду сэра С.Н. – вы понимаете, о ком я говорю?

– О том, кто недавно прилетел из Франкфурта.

– Чрезвычайно необычное дело. Чрезвычайно необычное. Бог знает что такое, ничего невозможно понять, даже представить себе нельзя.

Полковник Пайкавей доброжелательно слушал.

– Так что же думать? – настаивал сэр Джордж. – Вы знаете его лично?

– Пару раз встречался, – ответил полковник Пайкавей.

– В самом деле, как тут не задуматься...

Полковник Пайкавей с некоторым трудом сдержал зевок. Он порядком устал от того, как сэр Джордж задумывается, удивляется и представляет. И вообще, он был невысокого мнения об умственных способностях сэра Джорджа. Предусмотрительный человек, и можно быть уверенным в том, что своим департаментом он руководит со всей предусмотрительностью. Умом не блещет, и слава богу, подумал полковник Пайкавей. Во всяком случае, тот, кто всегда раздумывает и не бывает вполне уверен, пребывает в достаточной безопасности там, куда попал по воле Господа и избирателей.

– И разве можно забыть, – продолжал сэр Джордж, – те разочарования, которые мы испытали в прошлом?

Полковник Пайкавей добродушно улыбнулся.

– Карлстон, Конвей и Кортолд, – сказал он. – Абсолютно надежные и тщательно проверенные. Все на «К», и все трое – коварные изменники.

– Иногда я думаю, можно ли вообще кому-либо доверять, – печально заметил сэр Джордж.

– Тут все ясно – конечно, нельзя!

– Возьмем хотя бы Стэффорда Ная, – продолжал сэр Джордж. – Отличная семья, прекрасные люди, я знал его отца и деда.

– Обычный сбой в третьем поколении, – констатировал полковник Пайкавей.

Его замечание не помогло сэру Джорджу.

– Я не могу не сомневаться... то есть иногда он не кажется серьезным.

– В молодости я возил своих двух племянниц на Луару, – вдруг сказал полковник Пайкавей. – Какой-то мужчина на берегу удил рыбу. У меня с собой тоже была удочка. Он сказал мне: «*Vous n'êtes pas un pêcheur sérieux. Vous avez des femmes avec vous*».¹

– Вы думаете, что сэр Стэффорд...

– Нет, нет, в историях с женщинами он не замечен. Ирония – вот его беда. Любит преподносить сюрпризы. Не может отказать себе в удовольствии посадить кого-нибудь в галошу.

– Что ж, это не очень-то хорошо, вы согласны?

– Почему? Любитель пошутить гораздо лучше предателя!

– Если бы только знать, что он надежный человек. Что вы сами о нем думаете?

– Абсолютно надежный. На вашем месте я бы не волновался.

Сэр Стэффорд Най отставил в сторону чашку кофе, взял газету, просмотрел заголовки, потом отыскал страницу с частными объявлениями. Он уже седьмой день тщательно просматривал интересующую его колонку, но пока безрезультатно. Печально, но ничего удивительного. А на каком, собственно, основании он ждет ответа? Он скользил взглядом по странице и читал всякие забавные сообщения, благодаря которым этот раздел всегда казался ему занимательным. Эти объявления были не такими уж личными: половина или даже больше представляли собой замаскированные предложения о продаже. Возможно, их следовало бы публиковать в другой рубрике, но они проникли сюда, поскольку здесь они могли скорее попасться на глаза. Среди них было несколько объявлений обнадеживающего содержания.

«Молодой человек, не приемлющий тяжелой работы и ищущий легкой жизни, хотел бы получить подходящую должность».

«Девушка желает поехать в Камбоджу. Уход за детьми не предлагать».

«Интересуюсь оружием времен Ватерлоо. Рассмотрю любые предложения».

«Вы знаете Дженни Кэпстен? Ее пироги превосходны. Приходите на Лиззард-стрит, 14».

На мгновение палец Стэффорда Ная задержался. Дженни Кэпстен: ему нравилось это имя. А что это за улица – Лиззард-стрит? Он никогда о такой не слышал. Он вздохнул, и палец опять заскользил вниз по колонке объявлений и почти тут же снова замер.

«Пассажир из Франкфурта, четверг, 11 ноября, Хангерфордский мост, 7.20 вечера».

Четверг, 11 ноября. Это сегодня! Сэр Стэффорд Най откинулся в кресле и отхлебнул кофе. Он был взволнован и возбужден. Хангерфорд. Хангерфордский мост. Он встал и пошел

---

¹ Вы несерьезный рыбак. Ведь с вами женщины (фр.). (Примеч. пер.).

на кухню. Миссис Уаррит резала картошку ломтиками и кидала их в кастрюлю с водой. Она взглянула на него с некоторым удивлением:

– Вам что-нибудь угодно, сэр?

– Да. Если бы вам назвали Хангерфордский мост, куда бы вы пошли?

– Куда бы я пошла? – Миссис Уаррит задумалась. – Вы имеете в виду, если бы я хотела туда пойти?

– Да, представим себе, что именно так стоит вопрос.

– Ну что ж... Наверное, я пошла бы к Хангерфордскому мосту, а что?

– Вы имеете в виду Хангерфорд в Беркшире?

– Где это?

– В восьми милях за Ньюбери.

– Я слышала о Ньюбери. В прошлом году мой старик там поставил на одну лошадь и не прогадал.

– Так что, вы отправились бы в Хангерфорд близ Ньюбери?

– Ну конечно нет, – сказала миссис Уаррит. – Зачем так далеко? Я бы пошла к Хангерфордскому мосту, естественно.

– Вы хотите сказать...

– Ну, к тому, что рядом с вокзалом Черинг-Кросс, вы же знаете. Мост через Темзу.

– Да, – сказал сэр Стэффорд Най. – Точно, я знаю, где это. Благодарю вас, миссис Уаррит.

Это было похоже на игру в орлянку. Объявление в лондонской утренней газете означало железнодорожный Хангерфордский мост в Лондоне. По-видимому, это и имело в виду лицо, поместившее объявление, хотя в том, что объявление дала именно интересующая сэра Стэффорда дама, он совершенно не был уверен. Ее мысли, насколько он мог судить по краткому общению с ней, были весьма оригинальны и необычны. Он ожидал другого ответа, более определенного. Но другого не существует. Кроме того, возможно, имеются и другие Хангерфорды, в других частях Англии, и там, вероятно, тоже есть мосты. Ну что ж, так или иначе, сегодня все прояснится.

Был холодный ветреный вечер с морозящим дождем. Сэр Стэффорд Най брел, подняв воротник своего непромокаемого плаща. Прежде ему уже случалось бывать на Хангерфордском мосту, и этот мост никогда не казался сэру Стэффорду местом, подходящим для прогулок. По мосту сновали потоки людей: запахнув потуже плащи и надвинув на лоб шляпы, все они спешили как можно скорее добраться до дому, подальше от ветра и дождя. Сэр Стэффорд Най подумал, что в этой толпе бегущих людей весьма затруднительно разглядеть кого-либо. Неподходящий момент для randevu. Может быть, в газетном объявлении речь шла о Хангерфордском мосту в Беркшире? Во всяком случае, все это казалось очень странным.

Он шел вперед, не убыстряя и не замедляя шага, никого не обгоняя и уступая дорогу идущим навстречу. Он шел достаточно быстро, чтобы его не обгоняли идущие сзади, хотя при желании они могли бы это сделать. Наверное, это шутка, думал Стэффорд Най. И шутка не в его вкусе.

Вообще-то, если подумать, она и не в ее вкусе. Навстречу ему, тяжело ступая, шла женщина в плаще; она наткнулась на него, поскользнулась и рухнула на колени. Он помог ей подняться:

– Все в порядке?

– Да, благодарю вас.

Женщина поспешила дальше, успев что-то сунуть в руку Стэффорду Наю. Незнакомка исчезла, смешавшись с толпой. Стэффорд Най пошел своей дорогой: он все равно не сумел

бы ее догнать, к тому же она явно этого не желала. Он ускорил шаг, крепко сжимая в руке нечто, врученное ему женщиной, и наконец добрался до другого конца моста в Суррее.

Там он зашел в маленькое кафе и, присев за столик, заказал кофе. Потом разжал ладонь и увидел небольшой конверт из непромокаемой бумаги, а в нем еще один, простенький белый конверт. Он вскрыл его и обнаружил билет.

Билет на завтрашний вечерний концерт в «Фестиваль-Холле».

Глава 5

Вагнеровский мотив

Сэр Стэффорд Най устроился поудобнее в своем кресле, слушая барабанную дробь Нибелунгов, с которой начался концерт.

Хотя он любил Вагнера, «Зигфрид» ни в коей мере не был его любимым произведением из цикла «Кольцо Нибелунгов», предпочтение он отдавал «Золоту Рейна» и «Гибели богов». Ария Юного Зигфрида, внимающего пению птиц, почему-то всегда его раздражала, вместо того чтобы наполнять блаженством. Может быть, все дело в том, что в юности он слушал ее в мюнхенской опере в исполнении величественного тенора, к сожалению, более чем величественных пропорций, а он тогда был еще слишком молод, чтобы наслаждаться музыкой, абстрагируясь от облика Юного Зигфрида, которого лишь с большой натяжкой можно было назвать юным. Вид толстого тенора, катающегося по земле в пароксизме ребяческого веселья, вызывал у него отвращение. От песен птиц и шелеста леса он тоже не был в восторге. Нет, лучше слушать «Рейнских дев», хотя тогда, в Мюнхене, даже рейнские девы имели пышные формы, но это было не так противно. Уносимый мелодическим водным потоком и веселой песней, он не позволял себе отвлекаться от музыки.

Время от времени он непринужденно оглядывался вокруг. Он пришел довольно рано. Зал, как всегда, был переполнен. Наступил антракт. Сэр Стэффорд поднялся и посмотрел по сторонам: кресло рядом с ним оставалось свободным. Кто-то купил билет, но не пришел. Интересно, он прав в своем предположении или же его гипотетический сосед просто опоздал и его не пустили в зал: такое все еще практиковалось на концертах, где исполняли Вагнера.

Он вышел, прошелся по фойе, выпил чашку кофе, выкурил сигарету, а когда раздался звонок к началу второго отделения, вернулся в зал. На этот раз, пробираясь между рядами к своему месту, он увидел, что соседнее кресло занято, и его вновь охватило волнение. Добравшись до своего места, он сел. Да, это была та самая женщина из зала ожидания Франкфуртского аэропорта. Она сидела, устремив взгляд вперед. Профиль ее был в точности таким, каким он ему запомнился: четким и безупречным. Она чуть повернула голову, ее взгляд равнодушно скользнул по нему, и это «неузнавание» его было столь категоричным, что никаких слов уже и не требовалось. Это было свидание, которое нельзя было афишировать, по крайней мере теперь. Свет стал гаснуть, женщина повернулась:

– Простите, можно взглянуть на вашу программку? Боюсь, что свою я обронила где-то в проходе.

– Конечно.

Он передал ей программу, она взяла ее, развернула и стала читать. Свет стал еще тусклее. Второе отделение началось с увертюры к «Лознгрину». В конце ее женщина вернула программу со словами:

– Большое вам спасибо, вы очень добры.

Следующим номером исполнялись «Шорохи леса» из «Зигфрида»: он сверился с программой, которую ему вернули, и вдруг заметил внизу страницы какую-то бледную карандашную приписку. Он не стал пытаться прочесть ее немедленно, к тому же в зале было довольно темно. Он просто свернул программу и держал ее в руке. Он был совершенно уверен, что сам в программе ничего не писал. Скорее всего, решил он, у нее тоже была программа, которую она держала в сумочке; видимо, она в ней заранее что-то для него написала. От всего этого опять повеяло таинственностью и опасностью: та встреча на Хангерфордском мосту, конверт с билетом, сунутый ему в руку, а теперь эта женщина, молча сидящая рядом. Раз или два он окинул ее быстрым, небрежным взглядом, которым обычно удостаивают случайного соседа. Она сидела откинувшись на спинку кресла; на ней было строгое платье из

черного крепа, на шее – старинное ожерелье. Темные волосы коротко подстрижены и уложены. Она не смотрела в его сторону, не отвечала на его взгляды. Он подумал, уж не находится ли в зале «Фестиваль-Холла» некто, следящий за ними: не переглядываются ли они, не разговаривают ли? Не исключено, что этот «некто» совсем рядом. Она ответила на его объявление в газете, и этого с него достаточно. Его любопытство не было удовлетворено, но теперь он, по крайней мере, знал, что Дафна Теодофанос, она же Мэри-Энн, здесь, в Лондоне, и, значит, есть возможность когда-нибудь узнать побольше о том, что тут затевается. Но план этой «операции» разрабатывает она, а он должен следовать ее указаниям. Он подчинился ей в аэропорту, подчинится и теперь, к тому же он должен признать, что жизнь внезапно стала интереснее. Да, лучше так, чем сидеть на скучных политических совещаниях. Действительно ли на днях его пыталась сбить машина? Скорее всего, так. И даже не один раз, а дважды. Было нетрудно поверить в то, что за ним охотятся: теперь так много лихачей за рулем, что легко можно усмотреть злой умысел там, где его и нет. Он свернул программку и больше в нее не заглядывал. Музыка закончилась, и сидящая рядом женщина заговорила, не взглянув в его сторону и вроде бы ни к кому не обращаясь.

– Юный Зигфрид, – произнесла она и вздохнула.

Программу завершил марш из «Миннезингеров». Отзвучали шумные аплодисменты, зрители потянулись к выходу. Он подождал, не подаст ли она ему какой-нибудь знак, но она просто взяла свою шаль, прошла по проходу между кресел и, немного ускорив шаг, смешалась с толпой.

Стэффорд Най сел в свою машину и поехал домой. Дома, включив кофеварку, он развернул программку и стал внимательно ее изучать.

Программка, мягко выражаясь, его разочаровала. В ней не было никакого сообщения, и лишь на одной странице над текстом смутно виднелась карандашная надпись, которую он заметил, но не смог прочитать в театре. Но это были не слова и даже не цифры: просто нотная запись, будто бы кто-то сломанным карандашом нацарапал музыкальную фразу. В какой-то момент Стэффорд Най подумал о тайнописи, которая, возможно, проявится, если подержать листок над огнем. Довольно робко и слегка стыдясь столь мелодраматической фантазии, он поднес программку к решетке электрокамина, но ничего не произошло. Вздохнув, он бросил ее на стол. Его охватило вполне оправданное раздражение: весь этот вздор, свидание на мосту под дождем и ветром! Просидеть на протяжении всего концерта рядом с женщиной, которой он жаждал задать как минимум дюжину вопросов, – и что в результате? Ничего! Никакого продолжения. И все-таки ведь она с ним встретилась, но зачем? Если она ничего не хотела ему сказать, не собиралась о чем-то договориться, тогда зачем она вообще явилась?

Он задумчиво оглядел комнату, остановив взгляд на книжном шкафу, где хранил разные занимательные романы, детективы, а также попадавшие туда иногда научно-популярные книги. Литература, подумал он, гораздо интереснее реальной жизни: трупы, таинственные телефонные звонки, прекрасные иностранные шпионки – и все это в изобилии! И все-таки, может быть, эта неуловимая дама не исчезла навсегда из его поля зрения. В следующий раз, подумал он, он сам будет действовать. В игре, которую она ведет, могут участвовать и двое.

Он выпил еще одну чашку кофе, потом подошел к окну, держа программку в руке. Посмотрев вниз, на улицу, он невольно снова взглянул на карандашную запись в программке и почти бессознательно стал напевать. У него был хороший слух, и он без труда воспроизвел мелодию, нацарапанную карандашом. Она показалась ему смутно знакомой. Он спел ее еще раз, погромче. Что это такое? Там-там, там-там, ти-там. Там. Там. Ну да, определенно знакомый мотив!

Он принялся вскрывать доставленные почтой письма.

В большинстве своем они были неинтересны: пара приглашений, одно из американского посольства, другое – от леди Этельхэмптон: она приглашала его на благотворительный концерт, который почтят своим присутствием члены королевской семьи, так что цена в пять гиней, как указывалось в письме, не должна показаться чрезмерной. Он отбросил приглашения в сторону: вряд ли он решит принять какое-либо из них. Сэр Стэффорд подумал: вместо того чтобы торчать в Лондоне, можно немедленно отправиться к тетушке Матильде, как он ей обещал. Он любил тетушку Матильду, хоть навещал ее не часто. Она жила за городом, в перестроенном крыле громадного георгианского особняка, унаследованного ею от деда. У нее была просторная, отлично спланированная гостиная, небольшая овальная столовая, новая кухня, переделанная из бывшей комнаты экономки, две спальни для гостей, большая удобная спальня для нее самой, соединенная с ванной, и приличная комната для терпеливой компаньонки, помогавшей ей коротать дни. Все прочие верные слуги были тоже обеспечены приличным жильем и всем необходимым. Мебель в остальной части здания была покрыта чехлами от пыли, и там периодически проводили уборку. Най любил это место, в детстве он обычно проводил здесь каникулы. Тогда в доме царил веселье, здесь жил его дядя с женой и двумя детьми. Да, в те времена здесь было славно: дом – полная чаша, много прислуги. В детстве он не обращал особого внимания на портреты и картины: стены украшали огромные полотна живописи Викторианской эпохи, но имелись работы и более старых мастеров. Да, там было несколько неплохих портретов: Рейберн, два Лоренса, Гейнсборо, один Лели, два довольно сомнительных Ван Дейка, а также пара работ Тернера. Некоторые из них пришлось продать, чтобы семье было на что жить. Приезжая сюда, он по-прежнему с удовольствием бродил по дому и разглядывал семейные реликвии.

Тетушка Матильда была ужасно говорлива. Она всегда радовалась приезду своего внучатого племянника, да и сэр Стэффорд тоже любил иногда пообщаться с ней, однако теперь не вполне понимал, с чего вдруг ему захотелось к ней съездить. И почему это ему вспомнились фамильные портреты? Может быть, потому, что среди них был портрет его сестры Памелы, написанный двадцать лет назад одним из лучших художников того времени? Ему захотелось снова увидеть этот портрет и рассмотреть его повнимательнее: проверить, насколько сильно сходство между сестрой и той незнакомкой, что столь возмутительным образом нарушила привычный уклад его жизни.

С некоторым раздражением он снова взял программу концерта и стал напевать нацарапанную карандашом мелодию. Тум-тум, ти-тум... и вдруг до него дошло: это была тема Зигфрида, мелодия его рожка. «Юный Зигфрид» – так вчера сказала ему эта женщина; не то чтобы именно ему, ее слова вроде бы никому конкретно не предназначались и ничего не означали, поскольку относились к только что отзвучавшей музыке. И мелодия в программке тоже была обозначена музыкальными значками. Юный Зигфрид. Вероятно, это должно что-нибудь значить. Ладно, может быть, все прояснится позже. Юный Зигфрид. Что же это значит, черт побери? Почему и как, когда и что? Чепуха! Сплошные вопросы.

Он набрал номер тетушки Матильды.

– Ну конечно же, Стэффи, милый, будет чудесно, если ты приедешь! Садись на поезд, который отходит в половине пятого. Знаешь, он все еще ходит, но прибывает сюда на полтора часа позже и позже отходит из Паддингтона: в пять пятнадцать. И это, я полагаю, они называют улучшением работы железных дорог. Останавливается у каждого столба. Ну ладно. Хорас тебя встретит.

– Значит, он еще здесь?

– Конечно, здесь.

– Ну да, разумеется, – сказал сэр Стэффорд Най.

Хорас, служивший когда-то конюхом, со временем ставший кучером, а потом и шофером, по-видимому, и сейчас продолжает сидеть за рулем.

«Ему, должно быть, не меньше восьмидесяти», – подумал сэр Стэффорд и улыбнулся.

Глава 6

Портрет дамы

– Дорогой, ты очень мило выглядишь, загорел! – воскликнула тетка Матильда, окидывая его оценивающим взглядом. – Видимо, благодаря Малайзии; если не ошибаюсь, ты ведь именно там был? Или это был Сиам или Таиланд? Все эти названия так часто меняются, что всего и не упомнить. Во всяком случае, это был не Вьетнам, правда ведь? Знаешь, мне совершенно не нравится этот Вьетнам, я совсем запуталась: Северный Вьетнам, Южный Вьетнам, Вьетконг и все такое прочее, и все они хотят воевать друг с другом, и никто не желает остановиться. Нет чтобы съездить в Париж или куда там еще, посидеть за столом и разумно все решить. Как ты считаешь, милый, я тут подумала, и, по-моему, это решило бы проблему: не устроить ли побольше футбольных полей, и пусть они все там собираются и дерутся друг с другом, но без этих смертоносных штуковин, без этого ужасного напалма. Я имею в виду, пусть просто толкают и пинают друг друга и все такое. Это понравится и им самим, и всем вокруг, и даже можно брать входную плату с тех, кто захочет прийти и посмотреть, как они дерутся. Мы просто не понимаем, что людям нужно давать то, чего они хотят на самом деле.

– Прекрасная идея, – улыбнулся сэра Стэффорд Най, целуя ее благоухающую духами бледно-розовую морщинистую щеку. – А как выживаете, дорогая тетушка?

– Ну, я стара, – заявила леди Матильда Клекхитон. – Да, я стара. Конечно, ты не знаешь, что такое старость. Не одно, так другое: то ревматизм, то артрит, то эта гадкая астма, то ангина, а то колено подвернешь. Вечно что-нибудь не так. Нет, ничего страшного нет, и тем не менее. Почему ты приехал ко мне, милый?

Сэра Стэффорда несколько ошеломила прямота вопроса.

– Я всегда навещаю вас после заграничных поездок.

– Тебе придется пересесть на стул поближе, – сказала тетка Матильда. – Со времени твоего прошлого визита я стала немного хуже слышать. Ты какой-то не такой... Почему?

– Потому что я загорел, вы ведь сами сказали.

– Чепуха, я вовсе не об этом. Неужели у тебя наконец-таки появилась девушка?

– Девушка?

– Я всегда чувствовала, что когда-то это произойдет. Вся беда в том, что у тебя слишком развито чувство юмора.

– Почему же вы так думаете?

– Так про тебя говорят. Да, говорят. Видишь ли, твое чувство юмора мешает и твоей карьере. Знаешь, ты ведь связан со всеми этими дипломатами и политиками, этими так называемыми молодыми государственными деятелями, а также старшими и средними, да еще со всеми этими партиями. Вообще-то я думаю, что незачем иметь так много партий, а главное – эти ужасные, ужасные лейбористы! – Она гордо вскинула свою консервативную голову. – Когда я была девочкой, никаких лейбористов и в помине не было, никто знать не знал, что это такое, сказали бы, что это чепуха. Жаль, что теперь это не чепуха. Еще, конечно же, есть либералы, но они ужасно глупы. А эти тори, или консерваторы, как они опять себя называют?

– А с ними-то что не так? – улыбувшись, поинтересовался Стэффорд Най.

– Слишком много серьезных женщин, поэтому им не хватает, знаешь ли, живости.

– Ну что ты, в наши дни ни одна политическая партия особенно не стремится к живости.

– Вот именно, – сказала тетка Матильда. – И вот тут-то, конечно же, ты ведешь себя неправильно. Ты хочешь внести немного веселья, хочешь немного позабавиться и поэтому

немного подшучиваешь над людьми, а им это, естественно, не нравится. Они говорят: «Ты несерьезный молодой человек».

Сэр Стэффорд Най рассмеялся. Его взгляд блуждал по стенам комнаты.

– Куда ты смотришь? – спросила леди Матильда.

– На ваши картины.

– Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я их продала? Похоже, теперь все продают свои картины. Старый лорд Грэмпион, ты его знаешь, продал своих Тернеров, а также несколько портретов предков. И Джеффри Голдман продал всех своих прелестных лошадей – по-моему, работы Стаббса? Что-то в этом роде. А какие деньги за них дают! Но я-то не хочу продавать свои картины. Я их люблю. Почти все картины в этой комнате мне по-настоящему дороги, потому что это предки. Я знаю, что предки теперь никому не нужны, ну и пусть, значит, я старомодна. Мне нравятся предки. Я имею в виду, мои собственные. На кого ты там смотришь? На Памелу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.